

ПОЧЕМУ МАРКС И ЭНГЕЛЬС НЕ ЗАМЕЧАЛИ «НОВЫХ ФИЛОСОФОВ», ИЛИ О ЗНАЧЕНИИ ПАРАДИГМАЛЬНОГО ПОДХОДА К ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИМ ПРОБЛЕМАМ

В статье рассмотрена такая особенность становления марксизма, как отсутствие интереса со стороны основателей этого течения мысли к выдающимся представителям буржуазной философии XIX в., определившим ее будущий неклассический облик. Автор, фиксируя парадигмальные характеристики марксистской философии – в первую очередь, ее комплексное практическое включение в общественные процессы, интеграцию с наукой, политикой и мировоззрением – показывает, что такое игнорирование является закономерным, поскольку новый тип «философствования» действительно выпадает из той самобытной парадигмы, в рамках которой происходит становление марксизма.

Ключевые слова: неклассическая философия, история марксизма, парадигмальная характеристика марксистской философии.

Особенность формирования марксистской мысли, которая, на наш взгляд, является крайне симптоматичной для этого интеллектуального движения, но при этом не получила достойного историко-философского осмысления, заключается в том, что деятельность родоначальников марксизма оказалась вне какого-либо диалога с крупными представителями современной им буржуазной философии. Ни Шопенгауэр, ни Кьеркегор, ни Конт, ни Спенсер, ни Э. Гартман, ни Ницше – мыслители, отчетливо заявившие о своих позициях в период с 30-х по начало 70-х гг. и определившие во многом тематику новой неклассической философии, – не удостоиваются сколько-нибудь серьезного внимания Маркса и Энгельса.

Особенность эта тем более бросается в глаза, если учитывать, что марксизм как никакое другое движение мысли обязан своим становлением процессу полемики, размежевания и «сведения счетов» с противоположным идейным лагерем. Марксистская философия претендует на полный и радикальный разрыв с буржуазным сознанием и на полное его ниспровержение. Поэтому логичным было бы ожидать от его основателей активного и последовательного противодействия наиболее ярким выразителям совре-

менного им буржуазного сознания или, по крайней мере, тем из них, кто выступает непримиримым философским оппонентом революционной мысли, как, например, представителям иррационалистической философской мысли по линии Шопенгауэр – Ницше. Парадокс, однако, заключается в том, что – за исключением ранней юношеской критики Энгельсом *позднего* Шеллинга (частично примыкающего к этой линии) – оппонентами и «точками отталкивания» в рассматриваемом случае оказываются представители второразрядных, а в каком-то смысле и эпигонских направлений мысли, такие как Д. Штраус, Б. Бауэр, А. Руге, М. Штирнер, П.-Ж. Прудон, Е. Дюринг и др. Складывается странная ситуация: *крупное историческое движение мысли, представленное в первое время Марксом и Энгельсом и претендующее на новый качественный прорыв в философии, берет свое начало в кругу посредственных философов, оформляется в полемике с ними и при этом проходит мимо действительно заметных имен европейской философии, предопределивших ее дальнейшую перспективу.*

Эта ситуация, на наш взгляд, примечательна и важна для характеристики марксизма. Если марксизм знаменует собой

действительно этапное явление философской мысли и если отмеченное отсутствие интереса со стороны «классиков» к «новой философии» не вызвано чисто субъективными причинами, то нам представляется, что, скорее всего, оно указывает на особый, специфический характер марксистской философии в целом. Объяснить ситуацию неучастия Маркса и Энгельса в диалоге крупных современных им индивидуальных философий и философских «измов» возможно лишь, если мы исходно фиксируем, что имеем дело не с привычной философией в традиционном смысле слова, и не с очередной «концепцией мира», стоящей в ряду других концепций, а с чем-то качественно иным по сравнению с этими концепциями.

Существенность данной ситуации заключается еще и в том, что она подводит нас к возможностям продуктивного использования в историко-философском анализе парадигмальных характеристик рассматриваемого явления, т. е. базовых, «крупных» характеристик марксистской философии, определяемых ее местом и ролью в более крупном общественном комплексе, ее «функцией» и «топикой» – способом включения и самоопределения в конкретных исторических процессах. Каковы же эти характеристики, и каково их значение в связи с поставленным вопросом?

Мы исходим из того, что философия марксизма изначально – и по факту, и в собственных манифестациях – выступает как *теория широкого общественно-исторического движения*. Поэтому ее самоопределение – самоопределение комплексное, по очень широкому «фронту» практических и теоретических проблем (экономических, политических, идеологических, мировоззренческих, научно-методологических и т. д.), и оно с самого начала не размещается в рамках выяснения отношений с современными буржуазными философиями. Философия марксизма – это в полном смысле слова теория преобразования действительности [Гречко, 1988], сознательно заявляющая о возможности развития и реализации теории лишь в блоке с определенной исторической практикой (и в этом своем «позиционировании» доходящая даже до отказа, в лице Маркса, от термина «философия», поскольку тот традиционно ассоциируется с неким автономным «царством мысли»).

В этом плане вполне закономерным выглядит то, что данная философия оказывается и преемственно, и полемически связана в первую очередь с таким философским течением, как младогегельянство. Будучи явлением – с собственно философской точки зрения – исторически переходным и периферийным, последнее тем не менее соответствует главной задаче марксизма – поиску и обоснованию качественно *новой парадигмальной связи теории и практики*. Уже это течение, хотя оно и не отличается философской оригинальностью, представляет собой оригинальный синтез философских, мировоззренческих и политических тенденций, есть своего рода интегративная «практическая философия», лежащая на пересечении философской доктрины и общественной практики.

Антонио Грамши в «Общих вопросах философии и эстетики» коротко, но по существу касается этого обстоятельства: «От распада гегельянства берет начало новый культурный процесс, характер которого отличен от предыдущих, процесс, в ходе которого объединяются *практическое движение и теоретическая мысль* (курсив наш. – И. Б.) (или стремятся объединиться посредством теоретической и практической борьбы)». И далее он замечает: «Тот факт, что колыбелью подобного нового движения /марксизма/ *явились посредственные философские произведения*, или, по крайней мере, не шедевры философии, не имеет значения. А имеет значение то, что возник новый образ понимания мира и человека, и что подобное понимание больше не ограничивается выдающимися умами, профессиональными философами. Оно имеет тенденцию стать народным, массовым, приобрести действительно мировой характер...» [Грамши, 1991. С. 95].

Грамши в данном случае – на новом историческом уровне и на более органическом материале – продолжает марксову линию «обмирщения философии» и преобразования ее в революционную критику действительности. Именно в этом контексте практической критики философская полемика Маркса и Энгельса с младогегельянством имеет далеко идущие последствия. Она с самого начала обращена не к «профессиональной философии», а к *сложному блоку социальных, политических, идеологических, мировоззренческих и философско-теорети-*

ческих проблем. Тот факт, что этот комплекс проблем оказался впервые озвучен в рамках эпигонской «университетской» доктрины, не умаляет значения и масштаба самой проблематизации.

При этом если мы рассматриваем указанную комплексность – а именно, соединение в нем социального, политико-идеологического, мировоззренческого и философского участия в общественных процессах – как парадигмальную особенность младогегельянства, то не менее важным является и то, что это соединение, этот синтез реализуется на либерально- или революционно-демократической политической платформе. Иначе говоря, младогегельянство выражает линию восходящего исторического развития и сохраняет потенциал прогрессивного общественного движения буржуазии.

Соответственно мы можем сделать вывод, что поскольку «классики» марксизма нацелены на системный теоретико-практический синтез и на философско-теоретическое его обоснование, то закономерно, что они решают эти задачи во взаимодействии и полемике именно с теми представителями буржуазной мысли, которые нацелены на схожие задачи. Упомянутые же в начале статьи имена Шопенгауэра, Кьеркегора, Э. Гартмана, Ницше, Конта, Спенсера (и других этапно им близких философов) в той или иной степени знаменуют как раз *распад этого движения*, осознанный разрыв с ним и являют собой начало новых буржуазных доктринальных форм. С течением времени (к концу XIX – началу XX в.) такие формы будут органично объединены в рамках нового синтеза и на новой («модернистской») платформе, но во время, когда Маркс и Энгельс закладывают основы противоположного учения, эти имена – *в силу своей отторженности от демократического движения*, часто (особенно по линии Шопенгауэр – Кьеркегор – Ницше) в силу своей узкой и весьма специфической доктринальности, претендующей на некий смысложизненный «праксис» *в оппозиции к системным политическим и социальным процессам* – представляют для «классиков» неизмеримо меньший интерес, чем приверженцы младогегельянства и иного рода интеллектуальных течений, непосредственно нацеленных на *интегративное включение в общественно-исторические процессы*¹.

¹ Следует заметить, что некоторые имена из этого перечня не только обделены вниманием со стороны

Таким образом, отсутствие реакции со стороны Маркса и Энгельса на имена своих выдающихся современников-философов не является ни странной, ни случайной, а связано с *комплексным, «блоковым»* характером формирующегося движения мысли и с *тем особым способом, каким марксистская философия определяет свою роль в этом движении*. Становление марксистской философии и учения в целом менее всего можно представить как только философский процесс, подразумевающий прежде всего ответ на вызовы имеющихся значительных индивидуальных философий. Учение Маркса и Энгельса на всем этапе его формирования (до 1847 г.) развивается как блок различных проблем, различных направлений деятельности и как реакция *на уже имеющийся «протоблок»*, заявленный в первую очередь такими представителями прогрессивной буржуазной мысли, как младогегельянцы, П.-Ж. Прудон и др.

В этом становлении различные его интеллектуальные составляющие – политика (идеология), мировоззрение, философия, наука – постоянно переплетены между собой и оказывают стимулирующее воздействие друг на друга. Собственно перед фило-

основателей марксизма, но оказываются с запаздыванием восприняты и в родной им буржуазной среде. Например, заявка Кьеркегора на новый тип философствования в собственно концептуальном плане выглядит как аффектированное противопоставление иррациональной индивидуальной «веры» научной рациональности, социальному активизму и демократии. Иными словами, в своем экстравагантном одиночестве труды Кьеркегора, с одной стороны, чрезмерно открыто реакционны для своего времени (в силу чего, как пишет М. Горький, еще в начале 90-х гг. позапрошлого века российская прогрессивная молодежь буквально «стеснялась» афишировать свой интерес к работам такого рода мыслителей [Горький, 1980. С. 112]), а с другой – еще недостаточны для запуска смысложизненной и культурной рефлексии. И лишь когда социально сформируется соответствующая интеллектуальная среда, открыто провозглашающая «духовную независимость», и когда иррационалистическое переживание индивидуального бытийного «опыта» рационализируется в терминах смысла и языка (в первую очередь, благодаря таким фигурам как, Гуссерль и Хайдеггер) и приобретет вид *дискурсивизированного*, концептуально развернутого *процесса*, осуществляемого *ex professo*, – лишь тогда Кьеркегор заново открывается, «тематизируется» и становится частью расхожей «гуманитарной» номенклатуры. Но, отметим, и это позднее «открытие», как и игнорирование в случае раннего марксизма, обусловлено в первую очередь действием парадигмальных факторов (состоянием интеллектуального движения в целом), чем характером идей.

софией в этой ситуации встает вызов – схватить сложность, гетерогенность, предметную открытость (незаданность) и диалектичность выявляемых и актуализируемых бытийных связей и процессов и одновременно – их объективный, научно постигаемый характер; их системное единство и одновременно – переходы между качественно различными областями и уровнями теории и практики. Применительно же к интересующему нас сюжету, к *философскому самоопределению марксизма*, следует отметить, что марксистская философия изначально и по самой своей сути иным образом «позиционирована», чем та буржуазная философия, свидетелями зарождения которой являются Энгельс и Маркс. Если можно так выразиться, буржуазная философия (там, где она вообще ставит задачу определения «себя-в-мире») пытается «впихнуть» всю универсальность (полноту, целостность, экзистенциальность) отношений с миром в автономного индивида, обнаружить, «открыть» их как они «даны» в его индивидуальном «опыте», т. е., в виде неизбежных в подобной ситуации повседневно-синкретических реакций индивида в терминах «смысла» и «ценностей». Выстраиваемые на таких философских «основаниях» мировоззрение, идеология и наука теряют свою *предметную и деятельностьную различенность и специфику* и, можно сказать, растворяются в обыденном «философствовании». Становление же и самоопределение марксистской философии в указанном контексте (теоретико-практического блока) предполагает нечто прямо противоположное: во-первых, постоянное интегрирование и дифференцирование разнообразных «источников и составных частей» марксизма; во-вторых, постоянную проблематизацию связей философии с этими составляющими (наукой, мировоззрением, идеологией, и далее – с социальными процессами и с практикой в целом); в-третьих, известное подчинение философии политике (идеологии), мировоззрению и науке (как более практических и массовых форм сознания).

Предложенная нами характеристика может иметь ряд методологических последствий историко-философского плана.

Во-первых, становление марксистской философии может трактоваться как смена различных этапных самоопределений – от «учения о самосознании» (в период до нача-

ла работы Маркса в «Рейнской газете») к «мирской философии» (время работы в «Рейнской газете») и далее, к «гуманизму» (период с весны 1843 г. до начала совместной работы Маркса и Энгельса) и «материализму» (совместная работа Маркса и Энгельса в 1845–1847 гг.)², где все названия, по-видимому, используются не как узкофилософские категории, а представляют собой попытку интегративно охватить широкое проблемное поле, несут в себе философское, мировоззренческое, научно-теоретическое, политическое и иное содержание. (Так, например, учение о самосознании, трактуемое как результат конфликта духа и мира, как историческая деятельная сила, нацеленная на переустройство мира, выступает и как философская концепция, и как мировоззренческая антитеза религии, и как либеральная идеология определенных «университетских» кругов.)

То же самое можно сказать о тех явлениях, против которых выступают Маркс и Энгельс и категоризации которых можно рассматривать как этапные вехи в развитии их учения. И «трансцендентность», и «отчуждение», и «идеология» являются категориями *собирательными*, интегративными, характеризующими широкий и разнородный спектр превратных идей, взглядов, позиций, *положений в мире и обществе*, от которых родоначальники марксизма отталкиваются *en score*. Наиболее ярко эта собирательность видна в случае с «идеологией», которая согласно «классикам» есть и иллюзорное сознание, и господство идей и идеи господства, и идеализм и метафизика, и доктринерство и филистерство, и религия, мораль, философия³, и теория в целом и т. д. Безусловно, подобная собирательность и разнородность определений и «превратных» категорий представляет собой проблему в историко-философском плане (и в теоретическом плане в целом) и нуждается в крити-

² В исторической периодизации раннего творчества Маркса и Энгельса, а также в содержательной характеристике соответствующих этапов развития их мысли мы придерживаемся положений, которые в наиболее развернутом виде представлены в фундаментальном труде Т. И. Ойзермана, посвященном формированию философии марксизма [1986].

³ Которая, как справедливо замечает А. Б. Баллаев, в этом «идеологическом» значении трактуется Марксом прежде всего как «деятельность по изменению сознания независимо от обстоятельств» [Баллаев, 2004. С. 76].

ческом рассмотрении. Однако при этом мы не должны терять из виду саму указанную интегративность и собирательность категорий и определений «классиков», *поскольку она вообще есть их «родовая» парадигмальная характеристика*. Значение их не столько в концептуальных коннотациях к соответствующим гегельянским или фейербахианским идеям (или даже идеям самих Маркса и Энгельса, высказываемым ими на разных этапах своей биографии), сколько в том, чтобы фиксировать перечень действительных проблем (в данном историческом контексте) и способов их постановки. Вне этой проблематики как «конститутивного единства действительных мыслей» [Альтюссер, 2006. С. 97], выражающего включенность теории в практику, мы остаемся в чисто доктринальном поле идей, где можно сколько угодно много находить связей «по смыслу», но где теряется *историческая функция* этих идей, причем – применительно к Марксу и Энгельсу – специфическая, важная функция.

Во-вторых, с учетом указанной комплексности и широты проблематики, в которой происходит становление марксистского учения, важно историко-философским образом зафиксировать содержательную неоднородность и *неконтинуальность* самого процесса этого становления. Мы имеем дело не только с очевидными содержательными переносами акцентов – с философско-академической полемики на «журналистскую», с изучения политэкономической теории и ее источников на задачи обеспечения идейно-организационного единства «партии» и пр. – которые, в свою очередь, производят резкие изменения во всей «конфигурации» и во всех частях формируемого учения. Следует, по-видимому, также учитывать и то, что Альтюссер называет «сменой стихий» и переменной «почвы», на которой произрастают и ставятся проблемы [2006. С. 112]. Особенно резко эта перемена видна во время и после написания «Немецкой идеологии», когда Маркс и Энгельс перестают быть идеологами и философами («изменяющими сознание») и остаются по преимуществу *теоретиками* революционного пролетариата (мы бы выразились: теоретиками «в общем виде») ⁴. Различие между

этимися фазами настолько сильно, что возникает вопрос: насколько вообще критерии рассмотрения раннего творчества Маркса и Энгельса применимы к рассмотрению последующего этапа?

И в-третьих, особое методологическое значение применительно к рассмотрению генезиса философии марксизма может иметь использование в качестве *начала* такого рассмотрения способов живого политико-идеологического участия Маркса и Энгельса в общественных процессах. При этом мы имеем в виду не только очевидную значимость расширения сферы приложения политических интересов «классиков» – от умозрительной младогегельянской приверженности конституционализму, антиклерикализму и народовластию к последующему конфликту Маркса с прусской королевской цензурой, к борьбе за «партийную» революционную теорию и, наконец, к участию в вооруженном классовом конфликте. (Хотя само по себе такое расширение политического поля красноречиво характеризует отличительные особенности становления марксизма.) Мы имеем в виду возможность рассматривать политическую борьбу «классиков» как *источник и двигатель* их интеллектуального развития. Поскольку речь идет не о самостоятельных философских концепциях и, тем более, не об индивидуальном «философствовании» (к которому ведет линия Шопенгауэра – Ницше), а о философии как теории (и части) общественного движения и практического преобразования общественного бытия, то политика – как борьба за определенный порядок общественных связей выступает в качестве своего рода схождения теории и практики и центра всего движения. (Притом, что мы должны помнить, что со сменой форм политической борьбы качественно меняются формы самой философской субъектности. Так, например, с выходом к партийным и классовым формам политической организации коммунистического движения (к моменту написания

сиков» от философии. Возможно, что они и создают новую философию *в широком смысле* – как новый мир теории в ее новой самобытной связи с практикой (и в этом смысле их роль по своему этапному значению сопоставима разве только с ролью первых древнегреческих натурфилософов). Но возможно, что при этом они *еще* не являются представителями *зрелой* марксистской философии, философии *par excellence* в ее специфическом и индивидуализированном виде.

⁴ Из чего следует, что, быть может, нам нужно серьезнее относиться к известным отвлечениям «клас-

Марксом и Энгельсом «Коммунистического манифеста») разработка оригинальных индивидуальных философских концепций в рамках этого движения отходит на второй план вплоть до начала XX в.)

Итак, рассматриваемое в статье отсутствие интереса со стороны родоначальников марксизма к наиболее значительным представителям неклассической буржуазной философии – вроде Шопенгауэра, Конта, Кьеркегора, Спенсера, Ницше и др. – может трактоваться как весьма симптоматичная особенность становления марксизма. Она указывает не на его «нефилософичность» и отсталость, а на сущностную парадигмальную характеристику марксизма как широкого движения мысли. Раскрывая комплексную природу и «крупную логику» его философского самоопределения, мы видим, что указанные имена – сколь бы интересны они ни были – выпадают из этой «крупной логики», лежат на периферии проблематики, с которой связано становление марксизма. Лишь позже, к концу XIX в., когда на «правом» фланге буржуазного сознания зреет синтез философской мысли (в основном иррационалистического толка) с элитаристскими формами мировоззрения, с бесчисленными попытками построения «своей реальности» в оппозиции «толпе», когда этот «гуманитарный» синтез обнаружит отчетливую антикоммунистическую и антидемократическую направленность, тогда со стороны марксизма будет развернута яростная критика всей философской номенклатуры «модернизма». Но это будет уже относиться к качественно иному историческому этапу.

Отмеченная «крупная логика» формирования марксистской философии, по-видимому, предполагает необходимость и осо-

бых методологических шагов в ее историко-философском изучении. Прежде всего, мы имеем в виду целенаправленное привлечение к историко-философскому рассмотрению *социально-философского* аппарата, который бы отражал не только специфические («верхушечные») моменты появления и отношения идей, но и природу *философской субъектности* и тех проблем, общественных отношений, связей, в которых соответствующие субъекты формируют себя в качестве мыслителей. В нашем случае красноречивое («говорящее») отсутствие идейной связи между родоначальниками марксизма и родоначальниками неклассической буржуазной философии как раз тем и важно, что позволяет в «оголенном» виде показать действие этих «нижних» этажей историко-философского процесса.

Список литературы

- Альтюссер Л.* О молодом Марксе // Альтюссер Л. За Маркса. М.: Практикс, 2006. 392 с.
- Баллаев А. Б.* Читая Маркса. М.: Практикс, 2004. 288 с.
- Горький М.* Разрушение личности // Горький М. Преображение мира. М.: Сов. Россия, 1980.
- Грамини А.* Общие вопросы философии и эстетики // Искусство и политика. Соч.: В 2 т. М.: Искусство, 1991. Т. 1. 432 с.
- Гречко П. К.* Практика человека: опыт философско-методологического анализа. М.: Изд-во УДН, 1988. С. 38–39.
- Ойзерман Т. И.* Формирование философии марксизма. М.: Мысль, 1986. 461 с.

Материал поступил в редколлегию 08.09.2011

I. V. Borisov

WHY DIDN'T MARX AND ENGELS NOTICE THE «NEW PHILOSOPHERS», OR ABOUT THE VALUE OF THE PARADIGMATIC APPROACH TO THE PROBLEMS IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY

The article considers an absence of interest on the part of the founding fathers of Marxism towards the outstanding representatives of the bourgeois philosophy of the XIX century who defined its future non-classical shape. The author, determining paradigmatic characteristics of Marxist philosophy, its comprehensive inclusion into the practical social processes and integration with science, politics and politico-ideological outlook shows that such disregard is natural as the new type of «philosophizing» escapes the original paradigmatic framework of Marxism.

Keywords: non-classical philosophy, history of Marxism, paradigmatic characteristics of Marxist philosophy.